

НЕДОТЕПА

*Автор посвящает эту книгу сыновьям
Артемию и Даниилу и крестнику Александру*

Часть первая

ТРИКС ИЩЕТ ПРАВДЫ

1

Если ты молод, здоров и богат — тебе непременно захочется быть еще и красивым.

Трикс, единственный и полноправный наследник со-герцога Рата Солье, подозрительно смотрел на свое отражение. Если бы зеркало было магическим, оно бы непременно занервничало. Да что там магические зеркала! Любые дорожащие собой зеркала, в которые регулярно смотрятся особы женского пола, при таком взгляде немедленно забывают, что их работа — всего лишь отражать реальность, никаким образом ее не приукрашивая.

Но это было старое, потускневшее зеркало, вот уже три поколения висевшее в спальне наследников мужского пола. Оно привыкло видеть высунутый язык, неодобрительную гримасу при виде свежего прыща и порезы от неумелого и преждевременного обращения с бритвой. Нельзя сказать, что молодые со-герцоги Солье не обращали внимания на свою внешность, о нет! Они обращали внимание на действительно важные детали: застегнуты ли все пуговицы на брюках, не слишком ли сильно оттопыривают карманы интересные, но не одобряемые взрослыми предметы, не торчат ли волосы слишком уж причудливо и хорошо ли замазан пудрой (вещью совершенно незаменимой для наследников любого пола) свежий синяк. К тому времени, когда наследников начинали беспокоить более тонкие детали внешности, в их распоряжении оказывались другие апартаменты, с куда более опытными, на многое насмотревшимися зеркалами.

Триксу в каком-то смысле не повезло. Пренебрегая полезными детскими развлечениями своих предков, как то: охотой, фехтованием и общением с подданными, он слишком много читал,

слишком много общался с дворцовыми чародеями и летописцами и слишком рано начал заглядываться на служанок.

Впрочем, со служанками ему тоже не посчастливилось. Всякая разумная герцогиня следит за тем, чтобы к четырнадцати годам ее сына окружали в меру симпатичные и здравомыслящие служанки, мечтающие вовсе не о мorganатическом браке, а о небольшом денежном содержании или трактире на людном тракте. Но герцогиня Солье, видимо, в силу той же забывчивости, что уже пятнадцать лет сохраняла ее саму в двадцатипятилетнем возрасте, никак не желала понимать, что сын уже вырос. На прошлый день рождения Трикс получил от матери совершенно замечательного коня — белого, в яблоках. Портило подарок только то, что конь был деревянным и на колесиках. Завтра, в день своего четырнадцатилетия, Трикс должен был получить «очень милые книжки». Полностью разделяя мнение, что книга — лучший подарок, Трикс все-таки не спешил радоваться. Он подозревал, что книги будут с картинками... и вовсе не с такими, как в украденном из герцогской библиотеки монументальном фолианте «Ветвь дуба и цветок лотоса».

Так что служанки в замке были по большей части опытными, проверенными, нанятыми лично герцогиней пятнадцать лет назад. Но в отличие от герцогини их возраст упрямо стремился к сорока годам, что, по мнению Трикса, являлось глубокой старостью.

К счастью, у служанок бывают дочери...

Трикс смотрел в зеркало.

Так, начнем с самого начала. В смысле — с верха. Наверху были волосы — черные. Белокурые, на взгляд Трикса, были бы лучше. Даже в рыжих нашлась бы определенная оригинальность.

Но к волосам все-таки особых претензий не было.

Ниже волос начиналась голова, которую Трикс изучал особенно пристально. Нет, все по отдельности его вполне устраивало. Лоб и нос — в отца. Уши — в мать. Нормальные уши, не оттопыренные, не слишком острые, не слишком крупные. И рот Трикса вполне устраивал, во всяком случае — функциональность. Подбородок, за исключением отсутствия бороды, был не лучше и не хуже любого другого подбородка.

Триксу не нравился результат сложения всех этих, бесспорно достойных, частей тела. Результат можно было с равным успехом назвать отвратительным словом «отрок», еще более ужасным словом «мальчик», но никак не «молодым человеком».

А еще результат выглядел очень мирным и добродушным. Может быть, виной были пухлые губы? Трикс попытался поджать губы — отрок в зеркале из добродушного превратился в омерзительного. Такой Трикс вызывал немедленное желание сменить в стране форму правления, но никак не воплощал в себе мужество и отвагу древнего рода.

— Вот зараза... — сказал зеркалу Трикс.

Зеркало сделало вид, что оно здесь ни при чем.

Трикс развернулся и поплелся к двери. Предстоял еще один унылый день, наполненный обязательными для наследника трона заботами. Ко всему еще — приемный день. Вначале — присутствие при отцовских деловых переговорах. Это значит торговцы, арендаторы, главы гильдий и мастерских. Всем им хочется заплатить поменьше, а получить побольше. Но того же хочется и со-герцогу Рату Солье, так что разговоры предстоят долгие и нудные.

Потом — собственный прием Трикса. Конечно, улаживать серьезные взрослые дела ему никто не позволит. Зато предстоит решать детские проблемы. К примеру, ученики гильдии кузнецов устроили драку с учениками гильдии пекарей. Вы думаете, что в бою с мускулистыми молотобойцами пострадали невинные труженики скалки? Как бы не так. Подручные кузнецов большую часть времени стоят у наковален, сжимая в клещах куски раскаленного металла, или качают мехи — занятие, полезное для отдельных мускулов, но никак не способствующее гармоничному развитию. А вот ученики пекарей заняты в основном тем, что таскают тяжеленные мешки с мукой или противни с готовой выпечкой. К тому же на питании учеников кузнецы вечно экономят, а вот учеников пекарей морить голодом невозможно...

Еще будут попавшиеся на мелких, недостойных внимания городской милиции проказах и кражах отроки, молящие о вспомоществовании сироты и несправедливо выпоротые родителями сыновья. Священный долг юного наследника — вникать в нужды народа на примере своих ровесников...

Не глядя на суетящихся с утра служанок, Трикс прошел к тронному залу со-герцога. Внутренняя дверь была полуоткрыта, внешняя — ведущая к городу — пока еще заперта. Отец был уже здесь — сидел на Половинчатом Троне, металлической конструкции хоть и удобной, но оставляющей странное впечатление *половины* огромного кресла. Кое-где Половинчатый Трон шетинился остриями клинков, кое-где топорщился шишками эфесов.

— Трикс, — кивнул отец с легкой теплотой во взгляде.

— Ваше сиятельство, — поклонился Трикс. Прошел к подobaющей ему скамеечке слева от Половинчатого Трона — тоже металлической, тоже выкованной из вражеских мечей. Сел. Как обычно подумал о том, что враги заслуживали бы куда больше симпатии, сражайся они подушками или соломенными булавами.

Двое стражников открыли внешние двери. Иногда, для пышности, в тронном зале дежурил десяток солдат, но это случалось нечасто.

День начался.

Против всех ожиданий первыми в очереди были не подданные Солье, а группа стражников сопровителя — со-герцога Сатора Гриза. В форме, но, как и положено, без оружия и доспехов.

Трикс покосился на отца. Тот с любопытством смотрел на стражников.

— Ваше сиятельство... — Старший рыцарь преклонил колени. За ним — остальные.

— Встаньте, благородный господин. — Со-герцог Рат Солье кивнул.

— Мы пришли принести свои извинения за события вчерашнего вечера и отжаться на милость вашего сиятельства... — не вставая с колен, начал рыцарь.

Трикс заскучал. Он слышал о вчерашней потасовке в какой-то пивной. Стражники со-герцога Солье и стражники со-герцога Гриза намяли друг другу бока. До крови, к счастью, дело не дошло. Значит, сейчас стражники Солье отдают себя на милость со-герцога Гриза...

Рутина. Когда власть поделена между двумя равноправными сопровитателями — подобные события не редкость.

— Я принимаю ваши извинения, — сказал со-герцог Солье. — Встаньте, благородные господа. Надеюсь, что и со-герцог Гриз проявит такую же милость к моим подданным...

Рыцарь поднялся. Провел рукой по опоясывающему его камзол металлическому поясу — тот шелкнул, распрямляясь и превращаясь в узкий тонкий клинок.

— Не думаю, — сказал рыцарь.

Дверной замок заржавел лет сто назад, а ключ к нему утеряли немногим позже. Сколько Трикс себя помнил, тюремные камеры пустовали: в караулке никто не дежурил, дверь в тюремный ко-

ридор была нараспашку открыта, а решетчатые двери камер хоть и притворены, но не заперты. В детстве он пару раз заглядывал в подземелья, но ненадолго. Не было в них ничего таинственного, и даже страшного не было. Только крошащиеся под ногой ржавые железные лестницы, изъеденные ржавчиной крюки под факелы, проржавелые двери и заржавевшие решетки. Сочащиеся сыростью каменные стены тоже были бы не прочь заржаветь, но камень к этому не приспособлен.

Еще три поколения назад со-герцоги Солье пришли к разумному выводу, что преступников куда проще передавать в руки городских властей, а не держать в собственных казематах. Это было куда дешевле — отпадала нужда в содержании тюремщиков и палача, куда полезнее для репутации — ведь соправитель никоим образом не отвечал за решения городского суда, и куда неприятнее для преступников — суд девяти анонимных заседателей почему-то всегда выносил более строгие приговоры, чем один-единственный со-герцог.

Запереть замок никто и не пытался. Просто выбрали камеру, где решетчатая дверь оказалась покрепче, — и молчаливый кузнец, раскалив в переносном горне железный прут, прикрутил им решетку к притолоке.

Самый надежный замок на свете — тот, у которого нет ключа.

Трикс сидел в углу камеры, подложив под себя куртку. Одежду ему оставили, только зачем-то срезали все пуговицы и вынули из штанов ремень. Неужели чтобы не покончил с собой? Какое-то время Трикс злорадно представлял, как оторвет у куртки рукава, сошьет веревку и повесится на решетчатой двери. Сумел же его предок, Келен Солье, повеситься на одном-единственном носовом платке, которым были перевязаны его многочисленные раны?

Впрочем, с самого детства Трикса смущала фраза про один носовой платок, которым были перевязаны многочисленные раны. Да и не огорчатся враги, обнаружив юного со-герцога Трикса Солье болтающимся на решетке, со сползшими мокрыми штанами и вывалившимся языком. Напротив, он им только поможет захватить трон. Лучше уж пусть будет казнь. Настоящая, с несправедным судом, на глазах у вероломного народа. Уж он найдет что сказать предателям! Как Диго Солье, чья речь на эшафоте расстрогала даже палача... как Ренада Солье, попавшая в руки раз-

бойников — но пламенной речью убедившая их бросить преступное ремесло и пойти на службу в Стражу...

Трикс хмыкнул. Конечно, ему было только четырнадцать, он обожал исторические хроники, но настолько наивным все-таки не был. И Диго Солье был казнен, пусть даже палач рыдал, занося топор. И Ренада Солье уговаривала главаря разбойников три дня и три ночи, причем Триксу смутно казалось, что *три ночи* сыграли куда большую роль, чем три дня.

Легко грезить о героизме, переворачивая хрупкие желтые страницы древних хроник. Куда сложнее, когда в инструментах палача зажаты твои собственные, хрупкие и белые от ужаса пальцы...

Конечно, пытки в герцогстве строго запрещены — за исключением случаев особых, строго оговоренных и регламентированных. Принудительное отречение от престола никак в их число не входило. Да и вообще пытать ребенка, а по законам герцогства Трикс все еще считался несовершеннолетним, разрешено лишь в присутствии доктора, священника и «доброй женщины из народа», которые могут в любой момент остановить пытки.

Но в мире так много пыток, не оставляющих следов... Когда-то Трикс с замирающим сердцем прочитал почти половину «Руководства честного дознавателя» — и на этот счет не заблуждался.

Что захотят — то и сделают. Свергать со-герцога тоже было строжайше запрещено.

Трикс встал, прошелся по камере, пытаясь размять ноги. Штаны сползали, их приходилось поддерживать. Три на три шага, вот ужас какой! Неужели люди сидели в этих темницах годами? Невозможно!

Предательский голосок в душе прошептал: «А это ты еще узнаешь...»

Трикс замотал головой. Чушь, ерунда, бред! Либо с ним будут торговаться, требуя, чтобы он отказался от престола... либо убьют. Оставлять наследника престола гнить в каменном мешке — верный путь к поражению. Во всех пьесах и балладах, где злодеи бросали юного наследника в темницу, это оканчивалось для них плохо. Верный слуга выпускал своего господина, или тот прорывал тайный лаз из подземелья, потом наследник собирал славленную армию и обрушивал на злодеев свой гнев...

Именно так — обрушивал гнев!

Трикс взмахнул рукой. Потом взялся за решетку, напрягся, пытаясь раздвинуть прутья. Он же маленький, худой, он проскользнет...

Да — маленький. А вдобавок еще и слабый. Прутья, пусть даже источенные временем, не поддались. Трикс только перемазался в сырой ржавчине да едва не защебил голову между прутьями. То-то было бы веселья тюремщикам...

Как же получилось, что их предали?

Трикс несколько раз пнул решетку. Башмаки ему тоже оставили, но вынули завязки. Решетка даже не заметила его усилий.

Трикс снова сел на каменный пол. Он не боялся — не в силу какой-то врожденной отваги, а просто потому, что все случилось слишком быстро... и слишком нелепо. Еще, наверное, потому что его никто даже ни разу не ударил. А ведь он даже достал меч... даже попытался *пронзить* набросившегося на него стражника...

Меч из рук выбили после первого же выпада. Кинжал Трикс даже не успел достать. Здоровенный стражник заломил ему руки за спину — очень аккуратно. Буркнул, что не надо дергаться, а то будет больно. Подоспели еще двое. Трикса вытащили из тронного зала во внутренние коридоры — отца, пытавшегося в одиночку отбиться от десятка нападавших, в этот момент теснили в угол.

Трикса быстро и тщательно обыскали, сняли ремень и завязки башмаков, срезали пуговицы, прощупали подкладку куртки — и приволокли в подземелье. Ни одного грубого слова не сказали! А здесь уже ждал кузнец — придворный кузнец со-герцога Солье! Мрачный, но вовсе не подавленный. И молотом своим, Трикс ничуть не сомневался, кузнец мог легко уложить всю троицу стражников — рядом с ним они перестали казаться такими уж здоровенными...

Кузнец раскалил прут и запер дверь. И ушел, оставив инструмент в коридоре, не оглядываясь на юного со-герцога и не слушая его возмущенных криков. И стражники ушли, оставив напротив клетки факел — уже догорающий.

Трикс смущенно потер лоб. Кричал он зря. Какие-то неправильные были слова. В хрониках они очень даже хорошо смотрелись: и про то, что «триста лет твои предки верой и правдой служили моим предкам», и про «предательство высушит твое сердце», и про «истину», которая «всегда восторжествует»...

В сыром подземелье слова прозвучали смешно.

Почему-то казалось, что наверху, среди ярких гобеленов и цветных витражей, слова чувствовали бы себя увереннее...

Факел начал падать. Трикс опустил голову на колени, сжался в комок. Рано или поздно за ним придут. Это все специально — чтобы сломить его дух. Так положено.

Вдали гроыхнула дверь. Вторая. Трикс поднял голову, с надеждой вглядываясь в коридор, по которому плыл яркий свет фонаря. Может быть, стражники со-герцога Солье? Усыпили бдительность, навалились, перебили захватчиков...

К камере подошел плечистый мужчина в кольчуге. Сид Канг. Капитан стражи со-герцога Сатора Гриза. Или уже надо говорить — капитан стражи *герцога* Сатора Гриза?

Трикс молчал.

И капитан Сид молчал, разглядывая мальчика. Хороший солдат — так говорил о нем отец Трикса. Он не раз бывал во дворце со-герцога Солье, а однажды даже потратил целый день, пытаясь научить Трикса стрелять из арбалета. Попытка не удалась, но Сид лишь пожал плечами и проронил: «Не твое, тренируйся с мечом».

— Не плачешь? — спросил Сид. — Хорошо.

Трикс презрительно усмехнулся. Если этот предатель... хотя можно ли его называть предателем, ведь он верно служит Сатору Гризу?.. Если этот солдафон ожидает, что юный со-герцог разревется, будто посаженный в чулан за кражу варенья поваренок, — его ждет разочарование.

Сид повернулся, посмотрел на ящик с кузнечными инструментами. Подошел к ящику, наклонился — мягко зашелестела кольчуга из тончайших стальных звеньев. Выпрямился, уже держа в руках огромные клещи. Примерился к пруту — и покачал головой. Бережно, с уважением, положил инструмент обратно в ящик. И взялся за прут обеими руками.

Трикс фыркнул. Какую бы подлость Сид ни задумал, голыми руками сталь не разогнуть.

Сид Канг нахмурился, будто что-то вспоминая. И произнес: — *Сила пришла, будто ветра порыв перед бурей...*

Его ладони окутало бледное, едва заметное голубое сияние. Заклинание!

Трикс вскочил.

Заклинание было слабеньким, то ли составленное неопытным магом, то ли розданное слишком многим людям. Сиду пришлось напрячься — вздыбились мускулы на руках, лицо побагровело.

Но толстый железный прут неохотно выпрямился. Сид вытащил его, бросил наземь. Каменные плиты пола были покрыты таким слоем грязи, что вместо удара послышался мягкий шлепок. Свечение вокруг ладоней угасло.

Сид Канг открыл решетку. Посмотрел на Трикса. Сказал:

— Не бойся, юный со-герцог.

Это значит — отец мертв...

Трикс сглотнул вставший в горле комок. Отца он видел едва ли чаще, чем повара или конюха. И все же это был его отец.

— Твой отец погиб, — подтвердил Сид. — В бою. Как подобает. Тебя тоже убьют, со-герцог Трикс Солье.

— Убивай, — прошептал Трикс. Даже попытка сопротивления была глупостью. Сид Канг — хороший солдат. А он — плохой наследник трона.

Сид покачал головой.

— Не нужно это, господин Трикс. Власть теперь у Сатора. Он бы тебя пощадил, его сын — против.

— Я не сомневался в своем возлюбленном кузене Дэрике, — сказал Трикс. Гордые слова сами лезли на язык и на этот раз звучали почти достойно. — Делай, что тебе приказали, солдат!

Капитан молча сбросил с плеч легкий плащ. Кинул Триксу.

— Надень это, господин Трикс. Зачем проливать лишнюю кровь. Я выведу тебя из дворца.

Трикс посмотрел на упавший к ногам плащ. Спросил:

— Что с моей матерью?

— Она повела себя достойно. Приняла яд и выпрыгнула в окно. — Сид уважительно склонил голову. — Погибло всего пять человек, со-герцог. Не становись шестым.

Трикс молчал. Поступок матери его ничуть не удивил — она поступила так, как поступали благородные дамы в балладах и хрониках. Наверное, еще подошла к окну, выходящему на городскую площадь, — чтобы больше народа увидело ее отважный поступок...

— Не хнычь, Трикс, — тяжелая рука Сиды опустилась ему на плечо. — Не ко времени.

Совсем рядом — на поясе Сиды — были ножны с кинжалом. Только протянуть руку...

— И не глупи, — предупредил Сид.

Трикс нагнулся и поднял плащ.

— Пошли, — велел капитан.

— Найди мне веревку, — попросил Трикс. Хотел потребовать, но получилась только просьба.

— Зачем? — не понял Сид.

— Штаны без ремня спадают. Я так далеко не уйду.

Сид, не споря, отрезал от ящика с кузнечными инструментами прочный кожаный ремень и подал Триксу.

Под плащом стало теплее. Трикс надвинул на глаза капюшон — так велел Сид — и смотрел только в пол. Они поднялись из подземелий какими-то узкими грязными коридорами, Трикс даже не смог их опознать, вышли во двор. Было тихо. Очень помирному тихо — в конюшне негромко ржали кони, из открытых окон кухни доносилось звяканье посуды, на башне часы пробили четверть первого. Трикс приподнял голову — кое-где в окнах горел свет. Даже стражники стояли там, где и должны были стоять, — только теперь это были другие стражники.

— Только трое слуг дрались до конца? — спросил он.

— Двое, — ответил Сид. — Еще один упал на лестнице и сломал шею. В панике. Молчи. Спрячь лицо.

Они подошли к воротам. Сид крепко обхватил Трикса за плечи, прижал к себе. Громко спросил:

— Все спокойно?

— Совсем-совсем спокойно, капитан, — послышался быстрый южный говорок. — И в городе все тихонько. А вы...

Трикс напрягся. Сейчас капитан Сид убьет собственного стражника... так всегда и бывает.

— Мы с подругой прогуляемся, — ответил Сид, и они вышли за ворота.

Трикс не обиделся. В конце концов, великий князь Дилон бежал когда-то от своих врагов в женском платье, обрядив жену в мужской костюм, сына — в девичье платьице, а дочь — в ливрею. Ну что поделать, если враги всюду искали высокого тощего мужчину, толстую маленькую женщину, девицу на выданье и малыша трех-четырёх лет? Только превратиться в высокую тощую женщину, следующую за толстяком-мужем в сопровождении маленькой дочки и юного слуги. А княжество Дилон, и Трикс это признавал, куда больше и куда древнее со-герцогства Солье и Гриз.

Трикс напрягся совсем по другой причине. И даже попытался нащупать кинжал капитана Сиды — после чего ощутил лезвие клинка у самого горла.

— Не глупи, — устало повторил капитан. — Идем к реке.

Больше Трикс глупить не пробовал. Они прошли по узкой тропинке вдоль крепостной стены, спустились с холма, на котором стоял дворец, и вышли к реке. Здесь была маленькая деревянная пристань, к которой раз в день рыбаки приезжали продавать рыбу, длинные мостки, с которых полоскали белье, — и больше ничего.

Очень удачное место, чтобы закончить свою жизнь.

— Сними плащ, — велел Сид.

Трикс снял плащ. Поколебался миг — не прыгнуть ли в воду?

Увы, он помнил, что у берега слишком мелко. Прежде чем он добежит до глубины и сможет нырнуть, кинжал Сиды будет прочно сидеть у него в спине. Как назло, было полнолуние, а на небе — ни облачка.

— Три золотые монеты, — сказал Сид, протягивая ему маленький кошелек. — Хватит прожить два месяца. — Он помолчал и добавил: — Или месяц, но весело.

Капитан Сид Канг был хорошим солдатом и любил точность во всем.

Трикс смотрел на капитана и ждал. Под его взглядом Сид внезапно занервничал.

— Лодка у причала, — буркнул он. — Весла есть, мешок с едой. Плыви по течению. Завтра к вечеру будешь в Дилоне.

— Меня убьешь ты? — спросил Трикс. — Или твой подручный? — Он кивнул на рощицу, где в тени деревьев вполне мог скрываться десяток солдат с арбалетами.

Сид нахмурился:

— С чего ты это взял, со-герцог?

Трикс покосился на пристань — там и впрямь была лодка...

— Сатор Гриз поймет, что мне помогли бежать, — сказал он. — Тебя видели, когда ты выходил... с кем-то, прятаящим лицо под плащом. Если бы ты убил солдата — я бы тебе поверил. Но ты его пощадил. Значит, это все сговор. Меня убьют и скажут, что я пытался бежать.

— Мелкое злобное ничтожество, — даже не рассердившись, произнес Сид. — Я тебя спасаю! Беги.

— Я не так глуп, — прошептал Трикс.

Ему хотелось бежать. Очень хотелось. Но он понимал, что стоит только повернуться к Сиду спиной, и...

— Оставь нас, Сид, — произнес кто-то, вышедший из-за деревьев. — Все в порядке.

Сид молча кивнул и отступил в сторону.

Со-герцог Сатор Гриз подошел к Триксу.

Поджарый, смуглый, со-герцог никак не выглядел на свои пятьдесят лет и был полной противоположностью отцу Трикса. На самом деле, будучи совсем малышом, Трикс частенько думал, что со-герцог Гриз выглядит куда лучше его отца. Благороднее. Величавее. И даже воинственнее — что совсем уж удивительно для потомка купцов.

— Понимаю, что ты ненавидишь меня, мальчик, — сказал Сатор. — Но я и впрямь хотел бы сохранить тебе жизнь.

Трикс молчал.

— Если ты хочешь сказать, как меня ненавидишь, — продолжил Сатор, — то можешь говорить сейчас. И про то, как отомстишь, — тоже говори. Я не рассержусь.

— Я ненавижу тебя, — сказал Трикс. — Я отомщу. Тебе и всему твоему роду. Это будет моя страна и мое герцогство.

Сатор кивнул:

— Прекрасно. А теперь я объясню, почему отпускаю тебя. Если хочешь, конечно. Нет — садись в лодку и плыви. Никто тебя не тронет.

Трикс пожал плечами. Движение перешло в невольную дрожь — ночь была холодной, от реки тянуло сыростью не хуже, чем от каменных стен подземелья.

— Сид, верни мальчику плащ, — негромко приказал Сатор. — Он же совсем озяб! Так вот, Трикс, я вовсе не стремлюсь к излишнему пролитию крови. Если бы твои родители согласились отказаться от власти — они бы остались живы. Но они не захотели. Я уважаю их выбор.

Трикс молча взял плащ и завернулся в него.

— Представляй ты реальную опасность, юный Солье, тебе тоже пришлось бы умереть, — продолжал Сатор. — Но ты мне полезнее живой. Знаешь чем? — Он выдержал паузу и продолжил: — Именно тем, что ты умный и гордый мальчик, который желает отомстить. Ты будешь скитаться по окрестным землям, рассказывать о своем благородном происхождении и призывать к отмщению. Надеюсь, что ты благополучно вырастешь... а вдруг, чем боги не шутят, даже обзаведешься собственной дружиной или маленьким государством? Может быть, ты сумеешь собрать